

Марианна Андреевна Дударева

25.02.1992

Российский университет дружбы народов

89197772186

Русская

АПОФАТИЧЕСКИЙ ТЮТЧЕВ, ИЛИ «ЛЕБЕДИ» АНДРЕЯ ШАЦКОВА (о космической природе стиха)

*О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*
Ф. И. Тютчев

Апофатический путь познания Божественного начала предполагает отрицание любых доступных определений для этого начала, это своего рода путь *незнания*, когда открытие священного инобытия, или иерофании, по терминологии этнографа и философа М. Элиаде, осуществляется через молчание, тишину, которые наступают в момент безвременья, вневременности встречи света вечернего и невечернего, дня и ночи. Таким путем шла русская поэзия, представляющая, с одной стороны, энциклопедию русской жизни, а с другой — энциклопедию русского духа. Русская литература задала больше проклятых вопросов, чем дала ответов. Еще А. Фет написал в далеком XIX веке в своем ставшем уже хрестоматийным стихотворении «Не знаю сам, что буду // Петь — но только песня зреет», на что Тургенев остро заметил: дескать «Фет с ума сошел». Но слово, настоящий Логос восходит к формулам, простирающимся вдаль времен (понятие фольклориста А. Н. Веселовского), уводит поэта вглубь веков, и *преданья старины глубокой* сами собой оживают и тревожат нас. А как иначе? Поэзия немыслима без национальных основ, космо-психо-логоса. Ведь «поэт в России — больше, чем поэт», по точному замечанию другого большого мастера слова. И как же вырастает, взрывается из глубин духа этот

Логос? И что с ним происходит после? Поэзия — живая энергия, которая по силе в русском варианте бытия приравнивается к молитве. Неслучайно Россия всегда была литературоцентричной страной. Логос транслируется от одного поэта другому, ведь поэт живет по законам, им самим созданным, и поэт может понять только поэт.

Так, я держу в руках новую книгу Андрея Шацкого «Лебеди Тютчева», о которой можно было бы сказать словами Фета: «Вот эта книжка небольшая // Томов премногих тяжелей». В книге всего 16 страниц — удивитесь этому! Но в этих страницах сокрыта история, *подпочвенная глубина* нашего народа, как бы сказал русский философ И. А. Ильин. Книга, а это именно цельная по своему содержанию, семантической напряженности книга, состоит из триптиха. Первая часть, историческая, посвящена далеким кровавым дням времен Мамаева побоища. Поэт, сосредоточиваясь на фигуре Захария Тютчева, известного по «Сказанию о Мамаевом побоище» и некоторым устным преданиям, ведет читателя праведной верной дорогой далекого родственника великого поэта:

Ах, что за осень а это время,
Когда в начале сентября
Ты ехал с князем — стремя в стремя —
В кулак поводья соберя.
И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл.
Неся на Куликово поле
Завет отцов из тьмы веков:
О вере, доблести и воле,
И одоленьи на врагов!
А в синеве, расправив крылья,

Сопровождая княжью рать,
Летело лебедей обилье —
Небесных витязей отряд!..

И здесь впервые, *вскользь*, возникает образ лебедей, собственно которым как бы и посвящена новая поэтическая книга А. Шацкова. С одной стороны, читатель вместе с лирическим героем становится свидетелем исторических событий, обмана, битв и побед, с другой стороны, в первой части триптиха возникает историософский, *онтологический* план:

Свершилось! На берегах серьги
Осенний ветерок качал,
Когда полки с победой — Сергей
В воротах Кремника встречал.
И ты, Захар, с двуперстем руку
На отчую, вернувшись, выть
Поднял — неведомому внуку
Грядущий путь благословить!

И этот путь должен и будет проходить красной нитью через судьбы уже других героев, другого Тютчева, *неведомого внука*.

Вторая часть книги обращена уже к усадебному пространству, родовому имению Тютчевых, образовавшемуся в конце XVIII столетия:

Тяжеле вериги — поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...
Но гордо в щите родового герба
Распластаны лебедя белые крылья!
Их выводок плещет в заветном пруду,
И ходит эскадренным строем по кругу...

Я к ним попрощаться с поклоном приду.

И горького хлеба отрежу краюху.

Из этого фрагмента видно, что поэт хорошо знаком с историей рода Тютчевых, уделяет большое внимание деталям, упоминая родовой герб с *крылами* в центре композиции. Образ лебедей объединяет феноменальное и ноуменальное пространства: лебеди на небе, охраняющие «витязей отряд», лебеди на родовом гербе Тютчевых, символ чистоты, наконец, реальные лебеди, жители усадьбы. Откуда такая любовь к лебедям? Где корни этого образа? Примечательно то, что в художественной лаборатории Андрея Шацкого находим и в стихах прежних лет образ лебедя, сопряженного с женским началом, например, в «Лебедях Блока»:

И в тоскующих лебедях Блока

Мне опять померещилась — ты!

И гортанные крики Востока.

И Руси огневые щиты.

Будто мы — в позабытом апреле.

Будто пахнет сырою травой.

Будто лебеди в звоне капли

Над твоею плывут головой.

И здесь снова соединены «верх» и «низ», выстраивается необходимая вертикаль, через которую можно открыть ноуменальный мир. Однако примечательно то, что поэт в этом случае органичен классической поэтической и живописной традицией. Ведь есть же пушкинская Царевна-лебедь из известной «Сказки о царе Салтане», загадочная и мифологическая «Лебедь» М. Врубеля... Вообще образ лебедя характерен для национального космоса. С. Есенин связывал с ним существо Логоса, указывая в трактате

«Ключи Марии» на то, что «вязь поэтических украшений подвластна всем». Может, это и так, но сегодня этой вязью, умением соединить бытовое и бытийное наделен не каждый. Для этого необходимо *расслышать* слово, осознав «поэтову» долю, и вытащить, и вынести это слово из самых *дальних* *далей*. Именно таким заветом заканчивается триптих книги «Лебеди Тютчева»:

История стояла у порога,
Безмолвствуя,
 и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы,
 из которых в край речной
Стремилось сердце, возвращаясь снова
В густые кущи ивы и берез...
И нес поэт из дальних далей слово
И вплоть до наших дней его донес!

Так Тютчев, Фет, Пушкин живут сегодня — проникают неведомым для обывателя и видимым для поэта образом в литературу, встраиваются в русскую культуру. Поэт всегда живет на *пороге двойного бытия*, он и здесь с нами, и не здесь, он по-фетовски знает и не знает, о чем будет петь. В этом и состоит космическая природа стиха, соединяющего горнее и дольнее, и апофатический путь русской поэзии.